

вечерний
детектив

Елена ДОРОШ

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Получится ли вернуть наследникам ценную вещь
и восстановить свое доброе имя?

Елена Дорош
Семейная реликвия
Серия «Вечерний
детектив Елены Дорош»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69470257

*Семейная реликвия:
ISBN 978-5-04-190070-0*

Аннотация

Отправляясь в гости к подруге, Котя Яблокова совершенно не планировала становиться героиней криминальной истории. Но в первый же вечер пребывания в Петербурге ее обвинили... в краже бесценного раритета – старинного кокошника. Что оставалось делать? Только постараться вернуть пропажу. Конечно, в одиночку это сделать трудно, особенно если ты ничем подобным раньше не занималась. Хорошо, что рядом оказались братья Черные – Игнат и Ларик, и один из них очень заинтересован в том, чтобы помочь симпатичной соседке. Вот только по нынешним временам кокошник стоит немалых денег, поэтому просто так его возвращать никто не собирается...

В основе сюжетной линии остросюжетных романов Елены Дорош всегда лежит простая человеческая история. Они привлекают необыкновенно уютной атмосферой, душевностью и глубоким психологизмом в описании человеческих чувств.

Елена Дорош пишет для тех, кто не впадает в уныние, не боится испытаний и ждет от жизни только хорошее. Ее книги – не просто детективы. Они не только о любви. Каждая открывает увлекательную, порой малоизвестную сторону человеческого бытия.

Содержание

Лизонька Беленицына	6
Бухгалтер первой категории Котя Яблокова	21
Неожиданности начинаются	27
Наследница графов Волховских	38
Шаги на пути к решению траблов	58
Приключения коти в темноте	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Елена Дорош

Семейная реликвия

© Дорош Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Лизонька Беленицына

Лизонька жила, ни на что не надеясь. Да и на что надеяться, когда перебиваешься приживалкой у родственников?

Маменька умерла четыре года назад. Папенька после ее смерти тоже не зажился, все тосковал да плакал, а однажды лег спать и не проснулся. Тетушка Аделаида сказала: видно, праведником был, раз Господь легко прибрал. А тетушка Александра, наоборот, заявила: раз умер без покаяния и соборования, значит, грехов на нем немерено. Главным из грехов, разумеется, считалась его женитьба на бесприданнице – дочери дьячка соседней церкви, – из-за чего папенька был лишен наследства и подвизался на мелкой должности в коллегии иностранных дел. На службе его ценили, но ходу карьере не давали. А может, он и сам не стремился, потому что всей душой был привязан к жене Настасьишке и маленькой дочке.

С детства Лизонька знала, каково это – быть любимой своими родителями, и хоть росла в бедности, никогда о том не сокрушалась и не завидовала родным, что жили несравнимо богаче.

Предназначенное папеньке наследство было поделено между двумя его сестрами – Александрой и Аделаидой. Старшая была удачно выдана замуж за попечителя Академии художеств, родила в браке двух сыновей и считала се-

бя умней остальных. Ну как же! Брат учудил невесть что, а младшая сестра осталась старой девой. Почему? А потому что дурой была и не захотела выйти за отцовского друга, лет на двадцать старше. Все думала, что получше вариант попадется, все выбирала и губы дула, пока не полезла седина, а женихи не отпали один за другим. Так и осталась при сестре и ее детях. Впрочем, жила не за няньку – их и без того было достаточно – и довольно безбедно, так как Аделаиде принадлежала половина дома, оставшегося после отца.

Так они и поживали, пока не упала им на голову сирота-племянница. До папенькиной безвременной смерти Лизонька видела теток нечасто: на Рождество и на Пасху. В остальное время они не общались, потому и своих кузенов она почти не знала.

Когда же пришлось переехать в большой семейный особняк, то выяснилось, что со старшим из них, Модестом, мирно ужиться не получится. Он сразу стал относиться к ней высокомерно, называть Лизон и при случае щипать, да так, что потом неделю синяки не проходили. Он был всего на пару лет старше, но держался как бывалый и не упускал случая подчеркнуть, что она глупая и необразованная девчонка. Лизонька на него не обижалась, считая оболтусом и шалопаем. Папенька всегда учил ее, что на подобных типов обижаться – себя не уважать. Учился Модест в университете, но по всему было видно, что плохо. Лизонька, которая знала три языка, неплохо рисовала и умела играть на рояле, предпочитала об

этом не распространяться: узнай братец, что она куда образованнее его, вообще житья не будет. Такие, как Модест, не терпят рядом тех, кто хоть в чем-то их превосходит.

Младший, Володя, был совсем другого рода. Добрее души Лизонька не встречала. Ему только исполнилось тринадцать, он был по-детски мил, непоседлив и быстро к ней привязался. Она тоже прикипела к мальчику всей душой. Если бы не Володя, не было бы у нее во всем доме близкого друга.

Правда, имелся еще один человек, только о нем не известно ни одной живой душе. Даже Володе. Да она и папеньке с маменькой не решилась бы о нем слово вымолвить. Это была великая тайна.

Звалась тайна Николаем Волховским. Про себя она называла его Николашей.

Волховской учился вместе с Модестом и в доме бывал довольно часто. С первого раза, как Лизонька его увидела, она поняла, что больше никогда и никого не сможет полюбить. Всю нежность, что с рождения копилась в сердце, она без остатка отдала ему.

Вот только ее любимый об этом не догадывался.

Он едва ее замечал, и порой казалось, что даже имени не помнит.

Как ни странно, Лизоньку это не огорчало. То есть огорчало, конечно, но вовсе не потому, что она мечтала быть замеченной, выйти за него замуж и провести рядом весь отмеренный век. Она прекрасно понимала: надеяться не на что.

Ей ли, бесприданнице и приживалке, мечтать стать женой графа? Так что пусть лучше он ее не замечает и о безмерной любви не догадывается.

Лизонька была девушкой разумной и сильной характером. Она все понимала, потому смирилась и приняла свою долю: любить, но никогда не изведать ответного чувства.

Однако кое в чем она не могла себе отказать.

Когда к Модесту приходили товарищи, то собирались в гостиной на половине незамужней Аделаиды. Эта комната все равно почти всегда пустовала. Такие же, как она сама, старые девы сживали обычно у нее в будуаре, да и было их от силы две или три. Просторную гостиную с роялем и мягкими диванами облюбовал племянник. Его гости часто бывали шумливы, родители их веселого времяпрепровождения не одобряли, а вот тетушка, напротив, по доброте своей и из желания насолить сестрице была не против посиделок с музыкой и шампанским. Сама она удалялась почивать раненько, часов в восемь, так что молодежь никто не стеснял.

Окна гостиной выходили на застекленную веранду, сидя в уголке которой можно было без помех любоваться Николашей Волховским.

Именно этим Лизонька и занималась. Она тоже жила на половине Аделаиды, поэтому ничто не мешало ей тихонько пристроиться на веранде с каким-нибудь рукодельем и между делом смотреть на свою безнадежную любовь сколько заблагорассудится.

Вот он спорит о чем-то с одним из студентов, вот засмеялся. Больше всего ей нравилось, когда Волховской садился за рояль. Особенно ему удавались вальсы Штрауса. Иногда Лизоньке даже казалось, что Николаша играет специально для нее. Быть этого, разумеется, не могло, но предполагать очень приятно, и Лизонька не могла отказать себе в подобной малости. Ведь то, что для других было сущей мелочью, для нее являлось настоящим счастьем.

Так, за рукодельем, она и просидела всю весну, лето и осень до середины октября.

Наступившие холода лишили ее главного для любящего сердца развлечения и утешения. Вход в гостиную, когда там находились друзья братца, для нее был заказан, а другого способа видеть Волховского она не придумала. Впрочем, изредка они сталкивались в прихожей или на улице. Николаша здоровался и не глядя пробегал дальше.

Лизонька духом не пала. Просто решила, что станет с нетерпением ждать весны, когда снова можно будет затаиться на веранде и глядеть, глядеть...

Конечно, она понимала, что все это ужасно глупо. Но что прикажете делать, если иных радостей судьба для нее не приберегла?

Родственники, кроме Володи, относились к ней прохладно. Не то чтобы насмехались, нагружали работой или, не дай Бог, издевались. Просто не замечали, и все. Как будто даже забывали, что она живет с ними бок о бок. Притом что обе-

дала и ужинала она вместе со всеми, как и ходила в храм. Но тем не менее ей казалось: если бы кто поинтересовался, что это за девушка тут у вас, домашние не сразу вспомнили бы, о ком речь.

Она и сама старалась быть незаметной, но вовсе не из-за робкого нрава. Просто не видела ни в ком потребности в ее привязанности и сама ее не желала.

Вот если бы она могла окончить курсы гувернанток или на сестру милосердия выучиться, чтобы иметь возможность себя содержать, то тут же покинула бы особняк. Уж больно неуютно в нем. Пусть даже родственники и не виноваты.

Попытка устроиться на курсы, впрочем, успехом до сей поры не увенчалась. Пока муж тетушки Александры считался Лизиним опекуном, о такой радости нечего было и мечтать. Несколько раз она пробовала заводить разговор то с одним, то с другим, но никто и слушать ничего не хотел. Объяснялось это тем, что ей еще восемнадцати не исполнилось, однако она подозревала, что на самом деле никому не хотелось возиться, хлопотать.

Пусть лучше бродит как тень по дому.

Ну что ж, и на том спасибо.

Лизонька не сдалась, не отчаялась, а продолжала думать и изыскивать возможности. Только когда эта возможность представится, она и предположить не могла.

Новый, тысяча девятьсот первый год наступил, не обещая никаких перемен.

Но на Рождество произошел в их доме необычный случай.

В гости к дяденьке Ефиму Михайловичу пожаловал пожилой господин, которого все называли Константином Егоровичем и привечали необычайно. Сидя в конце по-праздничному накрытого стола, Лизонька глядела во все глаза: уж больно интересным показался ей господин. К тому же очень скоро выяснилось, что фамилия тому гостю – Маковский и является он знаменитым художником. По некоторым фразам Лизонька догадалась, что до последнего времени Маковский проживал в Париже, а недавно вернулся в Петербург. В Конногвардейском манеже готовится выставка, где будет представлено его полотно «Минин на Нижегородской площади».

После этих слов Лизонька вообще не сводила с гостя глаз. Однажды папенька водил ее на выставку, где среди прочих она увидела и полотна Константина Маковского. Даже названия запомнила: «Поцелуйный обряд» и «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем». Но больше всех ее потрясли две небольшие картины – «Боярышня» и «Боярыня у окна». Художник изобразил красавиц в старинных одеждах. Боже, какими прекрасными ей показались их лица!

Между тем важный гость заметил, что кто-то не спускает с него взора, и посмотрел на замершую в немом восторге Лизоньку. Она поймала его внимательный взгляд и потупилась, покраснев.

– Как тебя зовут, милая? – услышала вдруг она.

Сначала Лизонька даже не поверила, что обращаются

именно к ней. Такое нечасто случалось. Она даже головой повертела, не стоит ли кто за спиной. Но нет, лица всех присутствующих обратились к ней.

– Ну, чего молчишь? Отвечай, – строго сказала тетенька Александра.

Лизонька встрепенулась и спокойно сказала:

– Елизаветой, Константин Егорович.

Маковский поднял косматые седеющие брови.

– Ишь ты! И имя мое запомнила!

Удивляется, как будто она умом недоразвитая.

Лизонька выпрямилась.

– Я не только имя знаю, но и работы ваши видела. На выставке.

– Да ну? – повеселел Маковский. – И какая же тебе больше других понравилась?

– «Боярышня», – не задумываясь, ответила она.

– Хороша, правда?

– Очень хороша. А костюм и украшения так тонко выписаны, что лучше и не сделать. Сразу видно, что вы в этом деле знаток. Я про русский костюм говорю.

За столом образовалась такая тишина, что стали слышны перекикивания воробьев за окном.

Лизонька поняла: родственники пребывают в состоянии крайнего недоумения – вряд ли они догадывались, будто она говорить умеет, – и решила не смотреть на их лица, чтобы не хлопнуться в обморок от смущения. Когда еще ей выпадет

побеседовать с великим человеком!

– Тут я с тобой согласен, – кивнул Константин Егорович. – А знаешь ли, почему я столь точен? Уж почитай лет двадцать коллекционирую предметы старины.

– Как это, должно быть, интересно! – искренне восхитилась Лизонька.

– А вот заходи ко мне вместе с дядюшкой и своими глазами увидишь. Приведешь девочку, Ефим Михайлович?

Дядюшка только крякнул.

Вот так бедная Лизонька попала в дом знаменитого художника, где он не только показал ей коллекцию, как говорил, «красивой старины», но и совершенно неожиданно предложил стать моделью для новой картины.

Перепугавшись, она торопливо отказалась, но Маковский был настойчив:

– У меня великосветские дамы по году в очереди стоят. Мечтают запечатлеться. А тебе я сам предлагаю.

– Почему? Я ведь не гожусь. Тут красота нужна, – пролепетала Лизонька.

Маковский развернул ее к себе лицом.

– А ты, выходит, считаешь, что у тебя ее нет? Красоты, то есть?

– Ну...

– Ладно. Считай, что решила рискнуть. А с твоими родственниками я сам договарюсь. Вы ведь возражать не будете, Ефим Михайлович?

Дядюшке ничего не оставалось, как крякнуть во второй раз.

Две недели после первой встречи она исправно являлась, чтобы позировать Маковскому, и это само по себе тянуло на волшебную сказку. Тем паче что жена Константина Егоровича нарядила ее в сарафан, сверху накинула душегрею на меху, на шею привесила ожерелье, а на голову надела невообразимой красоты кокошник.

— Этот кокошник, — поведала ей Мария Алексеевна, — принадлежал любимой сестре царя Петра Наталье Алексеевне. А она была до красивых вещей весьма охоча. Видишь, каким дивным жемчугом вышит? Не речной, настоящий. А камни? Это подлинные рубины и изумруды.

— Красота неопишемая! — восторгалась Лизонька, рассматривая кокошник.

На себя, впрочем, она любоваться не стала. Нарядили ее, на стул посадили, вот и ладно. Правды ради, она просто боялась: увидев себя в чудесном кокошнике, разревется от разочарования и стыда. Не ровня она тем красавицам, что Маковский прежде писал. Куда ей, замарашке, с ними в один ряд! Позориться только.

И чего это Константину Егоровичу вздумалось ее моделью назначить?

Ведь не заради того, чтобы посмеяться над сиротой?

Хотя, что греха таить, работать моделью Лизоньке понравилось. Тяжело, конечно, было сидеть, не меняя позы, по

несколько часов, но к такому она давно привыкла. А вот наблюдать за работой настоящего художника ей еще не доводилось. Да и вряд ли когда придется. Потому она ловила каждое движение, каждое слово.

Время от времени Мария Алексеевна приходила позвать их к столу. Стесняясь, Лизонька пила чай с вареньем и снова возвращалась в мастерскую.

Наконец ее работа была окончена.

– Теперь я уж без тебя все доделаю, – сказал Маковский. – И раньше, чем закончу, показать не проси.

Показать? Да она вообще на нее смотреть боится! Понимает, что рано или поздно придется, но лучше поздно!

Она думала, что Маковский закончит картину через несколько дней, но ждать пришлось аж до самой Пасхи. Лизонька вся извелась и уже жалела, что не взглянула на картину хоть одним глазком. Знала бы тогда, чего ждать.

И все-таки час показа она пропустила. Вернее, зашла в тот момент, когда родные и многочисленные гости, явившиеся первыми увидеть творение великого мастера, уже плотно обступили картину, выставленную на всеобщее обозрение в гостиной. Ее появления никто не заметил. Лизонька отошла к окну, страхась услышать о себе нелестные слова. Однако все восторгались картиной, талантом художника, неповторимой манерой письма, цветовыми решениями...

И ни слова не произнесли о той, чей портрет разглядывали. Ни единого словечка.

Лизонька стояла ни жива ни мертва и даже не подошла, чтобы на себя взглянуть. На глаза наворачивались слезы, сердце стучало, даже как будто подташнивало, ведь среди зрителей она увидела Николая Волховского, одетого не в обычный партикулярный сюртук, а почему-то в военный мундир. Он тоже смотрел на картину, и по его лицу ничего прочесть было нельзя.

Лизонька не помнила, как очутилась в своей комнате. Не раздеваясь, она бросилась на кровать и забылась болезненным сном.

Ни обедать, ни ужинать она не пошла, сказалась нездоровой. Окна комнаты выходили на парадное крыльцо, поэтому она слышала, как разошлись одни гости и приехали новые, товарищи Модеста. Значит, опять будут разговоры, шампанское, смех.

И снова Николаша будет играть Штрауса. Впервые после долгой зимы.

Господи, спасибо, что и для нее есть утешение в этом мире!

Лизонька привела себя в порядок и тихонько сошла вниз, прихватив начатую вышивку. На веранде, как всегда, никого не было. Усевшись на привычном месте, она достала рукоделье и взглянула в окно гостиной.

Конечно же, он был там. Стал еще выше и краше с зимы. Даже рядом никого не поставить, так хорош. И по-прежнему бесконечно далек от нее, бедной бесприданницы.

Лизонька вздохнула и углубилась в работу.

Володя весь вечер не мог найти Фердинанда. Глупый кот убежал на улицу, пока туда-сюда ходили гости, и не вернулся. Он трижды обошел парк – зловерный Фердинанд не отзывался.

Мальчик почти отчаялся, но тут откуда-то сверху раздалось жалобное мяуканье. Побежав на звук, Володя обнаружил кота на дубе, что рос у самой веранды. Фердинанд сидел на ветке метрах в четырех от земли и дрожал. Ну что было делать? Володя поплевал на ладошки и полез вызволять своевольника.

Забрался он довольно ловко – сказались летние тренировки. Фердинанда засунул за пазуху, где тот сразу затих, но спускаться не торопился. С его ветки был виден кусочек зажегшего вечерние огни Петербурга. Красиво! Ну а если глянуть вниз, то можно рассмотреть гостиную и товарищей брата, на собрания которых Володя не допускался. Модест не раз говорил, что там ведутся серьезные разговоры, слушать которые малолетним не дозволено. Присмотревшись, мальчик увидел молодых людей, которые расхаживали по залу с бокалами в руках, болтали и смеялись.

Какой врунишка этот Модя! Ничего у них и не серьезные разговоры!

Запыхтев, Володя решил, что в следующий раз, когда брат попросит у него червяков для рыбалки, нипочем не даст! Пусть своих накопает!

В углу полутемной веранды что-то шевельнулось. Это Лизонька, догадался мальчик. Всегда одна, бедная. Надо завтра сходить к Абрикосову за хорошим мармеладом, тетушка на Пасху как раз рубль подарила. Сестрица страсть как его любит. То-то обрадуется гостинцу!

Из дверей, ведущих из веранды в гостиную, кто-то вышел. Высокий. А... Это Николай. Он добрый. Не гоняет и не дразнится, как другие.

С ветки было хорошо видно, как товарищ брата подошел к сестрице и стал что-то говорить – сначала стоя, потом присел рядом.

Володя уже хотел спуститься, но любопытство удержало. Лиза сидела к нему спиной и не двигалась. Николай все продолжал говорить, а потом вдруг поднялся и встал перед ней на одно колено. Сестра вскочила и бросилась вон, но Волховской удержал. Он еще что-то сказал, а затем вдруг прижал ее руку к губам.

«Что между ними происходит? – недоумевал Володя. – Может, ей помощь нужна?»

Он заторопился и, быстренько спустившись с дуба, поспешил к дому.

Думая лишь о том, что не смог защитить милую сестрицу, Володя ворвался на веранду и увидел, что Лиза стоит, утирая слезы и почему-то смеясь, а Николай все целует ее руки и повторяет:

– Душа моя, душа моя...

Фердинанд выскользнул из его рук и умчался в дом.
Володя не знал, что и думать.
А Николай с Лизой ничего не заметили.

Бухгалтер первой категории Котя Яблокова

Иркутск завалило снегом. Ничего удивительного в том не было, только не каждый год сугробы достигали окон третьего этажа. Котя как раз на третьем жила, поэтому в случае, если дворник Матвей Матвеевич не сподобится прокопать проход от подъезда до дороги, могла выйти из квартиры и смело нырнуть в сугроб. Вчера сосед Мишка, соскучившись по водке, так и сделал. Разделся до трусов, нырнул прямо с балкона и пустился вплавь. И доплыл! А одежонку жена ему сверху сбросила. Мишка снег стряхнул, оделся и рванул в магазин. Конечно, посиди четыре дня трезвым! И не на такое пойдешь!

Коте проделать подобное было бы затруднительно – барахтаться в сугробе в лифчике и трусах стремно. К тому же некому потом одежду сбросить: вот уже два года после гибели родителей она жила одна.

Лежа в кровати и прислушиваясь к звукам за окном, Котя гадала, отменят штормовое предупреждение или нет. Сегодня понедельник, всем на работу, поэтому каждый мечтает только об одном: чтобы непогода длилась как можно дольше. Все, кроме Коти. Ей до чертиков надоело сидеть у телевизора. Ладно бы Интернет работал. Так нет, в такую ме-

тель на это и надеяться нечего! Жила она на улице Коммунаров, недалеко от Иерусалимской лестницы. Обычно из ее окна был виден купол Входаиерусалимской церкви. Но, поскольку уже несколько дней за окном был сплошной белый сумрак, даже просто любоваться на городские красоты узникам непогоды было заказано.

Котя вылезла из постели и, поеживаясь, все же подошла к окну: вдруг что-то изменилось. Она влезла на подоконник и посмотрела вниз. На сугробе, что подвалил к балкону, было размашисто написано:

— ... вам!

Мишка чудит. Кому, интересно, он грозитя? Котя подняла глаза. Небо, неотличимое от сугробов, не обещало ничего нового. Неужели до самых праздников взаперти торчать? А если и Новый год так встречать придется?

Да не может быть! Есть же, в конце концов, в мире справедливость!

Вздыхнув, Котя отправилась в душ с теплящейся в глубине души надеждой, что попасть на работу все же получится. Работала она в техническом университете, где готовили специалистов для гражданской авиации. Вот только отношения к этой самой авиации не имела, потому что была бухгалтером. Обычным бухгалтером первой категории.

До работы она всегда добиралась пешком — жила-то совсем близко. А сегодня? Даже если удастся в полном обмундировании догрести до дороги, не факт, что таким же мане-

ром можно будет доплыть и до универа.

Котя высушила волосы, оделась и отправилась пить чай. Нет, сегодня лучше кофе. С колбасой и конфетой, даже с двумя.

Кофе взбудрил и даже навеял мечты о лучшем. Она с энтузиазмом вымыла чашку и собралась уже позвонить начальнице, но тут телефон ожил сам.

Неужели на работу? Ура!

Но оказалось, что звонила не начальница Ираида, а подруга Светка из Петербурга. С чего это вдруг в понедельник с утра?

– Привет, Коть. Как там у вас дела?

– Светка, что случилось?

– Ничего. Просто хотела узнать, как ты там. По телику передают, что у вас метелюга и все такое.

– У нас просто кошмар, Свет. Четыре дня никуда не выходим.

– И что говорят? Долго еще маяться?

– Не знаю. Прогнозы осторожные.

– Ну к праздникам-то хоть уляжется?

– Да кто его знает.

Светка помолчала.

– А ты по какому поводу интересуешься? – спросила Котя, почувствовав вдруг, что Светкин звонок неспроста.

– Да понимаешь, – замялась подруга, – хотела предложить тебе небольшую авантюрку.

Котя насторожилась. Их последняя совместная авантюрка закончилась объяснениями в адлерской полиции.

Со Светкой они познакомились в прошлом году как раз на отдыхе. Котя была на море впервые и всего боялась. Однажды она чуть не захлебнулась, уплыв далеко от берега. Неожиданно ее накрыла волна от проходящего катера, под водой Котя потеряла ориентацию, и кто знает, что бы с ней случилось, если бы не проезжавшая мимо на «банане» девушка. Она перегнулась, вцепилась Коте в волосы и в мгновение ока выдернула бедолагу на поверхность.

Так они познакомились. Разумеется, все оставшееся время провели вместе и стали закадычными подругами. И пусть Котя жила в Иркутске, а Светка – в Питере, это совершенно не мешало их дружбе. Они часто созванивались, часами болтали по видеосвязи и строили планы на следующий отпуск.

– Авантюрку? – переспросила Котя. – Ты что, забыла, как нас загребли в Адлере?

– Да тьфу на тебя, Котька! Я вовсе не на крышу лезть предлагаю! А отпуск по обмену.

Котя удивилась.

– А с кем меняться?

– Мне с тобой, а тебе со мной. На новогодние каникулы. Понимаешь, я тут с парнем познакомилась. Он собирается с друзьями махнуть на Байкал. Меня с собой не зовет. Ну, типа, мы еще мало знакомы. А я уже сильно на него запала. Хочу ему сюрприз сделать. Они несколько дней в Иркутске

собираются пробыть. Вот я и подстрою так, чтобы он меня случайно на улице встретил.

– Случайно? В Иркутске?

– Ну да. А что такого? Я знаю, где они остановиться собираются. А дальше дело техники.

Котя засмеялась.

– Светка, ты просто великий комбинатор! Кому еще такое в голову взбредет!

– Вот именно, что никому! За это я себя и ценю! Ну что, согласна? Я поживу у тебя, а ты в моей коммуналке.

– Даже не знаю, Свет. Это так неожиданно...

– Фигня! Все хорошее всегда случается неожиданно! Ты только представь себе! Десять дней в Питере! Бесплатное жилье в центре города! До Эрмитажа рукой подать! Да любой бы на твоём месте умер от счастья!

Все это, конечно, здорово, но в самом деле слишком напоминает авантюру. Нет, прежде чем соглашаться, надо Светкино предложение хорошенько обдумать.

Нерешительная и осторожная Котя хотела так и заявить и уже открыла рот, как вдруг совершенно неожиданно для себя сказала:

– Хорошо. Я согласна.

– Отлично, подруга! Не сомневалась в тебе! Теперь дело за погодой! Как бы она не сломала наши планы!

– Она может.

– А мы будем надеяться на лучшее и паковать чемоданы!

Кстати, пока не поздно, купи билет до Питера. А то все как ринутся! Поторопись!

Котя обещала поторопиться, и обрадованная Светка отключилась.

На работу в этот день Котя не попала, зато через два дня штормовое предупреждение отменили, погода стала налаживаться, и, вдохновленная этим обстоятельством, она стала собираться в дорогу.

В самом деле, что может быть прекраснее каникул в Петербурге?

Неожиданности начинаются

Никогда не бывавшая в Северной столице Котя боялась, что заблудится, но Светкину коммуналку нашла неожиданно легко. Только вышла из метро, и вот тебе здрасьте – нужный дом! Вдохновленная успехом, она быстро пересекла улицу, вошла во двор и, найдя нужный подъезд, потянула на себя тяжелую дверь.

Та не шелохнулась.

Рассмотрев конструкцию замка, Котя догадалась, что открывается он, если приложить к нему специальную штучку. Вот только штучка эта наверняка прицеплена к той связке ключей, которая ждет ее в квартире.

Ну и что ей теперь делать? Ждать, когда появится кто-то из жильцов? Вообще-то на часах десять вечера. Все давно по домам сидят и телевизор смотрят. А если крикнуть? Услышат и откроют. Ага, откроют, жди! На вокзал, что ли, возвращаться? Лучше позвонить Светке и узнать, как выйти из ситуации. Котя набрала номер подруги и узнала, что ее телефон вне зоны. Час от часу не легче. Она в отчаянии посмотрела по сторонам. Ужас!

Поняв, что другого способа попасть в подъезд, кроме как дожидаться кого-то из жильцов, нет, Котя прижалась спиной к двери, нахлобучила на голову капюшон и сунула руки в карманы.

Хорошо ее встретил Санкт-Петербург!

— Ты чего тут стоишь, как памятник разрухе? Окочуриться хочешь? — услышала она вдруг над головой, дернулась, выпростала лицо из капюшона и уставилась на длинного парня, нависшего над ней и улыбающегося, с розовым от мороза лицом.

— Попасть не могу, — заочечневшими губами выдавила Котя.

— Ключ потеряла? Или ты не наша?

— Я в гости. В десятую квартиру.

— В нашу? — весело удивился парень. — Так, может, ко мне?

— Я по обмену. К Светке.

Парень хлопнул себя по бокам.

— Так ты Екатерина Яблокова?

— Можно Котя.

— Зашквар полный! А я и забыл! Светка предупредила, но пришлось из дома смотаться, трабл один решить. Пока на-прягался, из головы все вынул! Ну что стоишь, вайб ловишь? Давай двигай за мной.

Парень торопливо открыл дверь и подхватил Котин чемодан.

— Забегай. Сейчас чаем напою, у тебя сразу муд сменится.

Он выражался не очень понятно, но главное она уловила: скоро ей наконец станет тепло.

Они поднялись на пятый этаж, парень открыл квартиру и потащил чемодан к двери в конце коридора.

– Вот Светкин флэт. Сейчас ключи возьму и впущу тебя.

Попав в комнату, Котя первым делом стала искать дверь в туалет. От холода и долгого ожидания она уже почти не могла терпеть.

Ничего не обнаружив, она удивилась и выглянула в коридор. Там было темно и тихо. Даже спросить не у кого.

Поразмыслив, решила идти на запах и действительно довольно скоро наткнулась на узкую дверь, за которой обнаружилась допотопная душевая кабинка, а рядом – унитаз.

Итак, удобства в коридоре. И это в центре культурной столицы!

Дальше – больше. Оказалось, что и кухня тут общая. Оказавшись в ней, Котя долго соображала, какой из четырех столов Светкин. Выручил давешний парень.

– Чего опять зависла? Давай я тебя накормлю. Светка съед, что ты из Иркутска перлась. Велела решить трабл с питанием.

Котя хотела поблагодарить, но вспомнила, что парень так и не назвался.

– Меня Ларик зовут, – словно услышав ее мысли, представился наконец новый знакомый и почесал лохматую голову.

Котя удивилась. Что за имя такое странное?

– Ларик – это от Иллариона. Дурацкое имя, признаю. Прикинь, в переводе с греческого означает «веселый»! Чем предки думали! Только не вздумай звать меня Лариосиком, как у Булгакова. Лучше Ларчиком. Меня так в школе кличут.

Так он в школе учился? Ничего себе, какие нынче школьники пошли! Она думала, что ему лет двадцать.

– У нас в классе полно смешных имен, – орудуя у плиты, продолжал развлекать ее Ларик. – Есть Нестор, Трифон, Сигурд и даже Мойша, Моисей то есть. Прикольно, да?

– А какой стол Светин?

– Вот этот, с кофемашиной. У нас еще микроволновка есть. Она общая. Так что юзай. Ну а пока что я на камбузе дежурный. Ешь вот.

Ларик поставил на стол тарелку с дымящимися сосисками и нарезал хлеб. Котя сглотнула голодную слюну.

Как бы там ни было, все, кажется, завершилось благополучно. Крышу над головой и еду она обрела. А завтра наверняка все будет лучше, чем сегодня.

Она снова набрала Светкин номер – не отвечает. Наверное, включить забыла после посадки.

Ложась спать, Котя, как давным-давно научила ее бабушка, проговорила:

– На новом месте приснишь жених невесте.

Подоткнула под себя одеяло, перекрестилась и закрыла глаза.

Никакой жених ей, конечно, не приснился, но спала она хорошо. Видно, намаялась с дороги.

А наутро неожиданности начались снова.

Разбудил ее осторожный стук в дверь. Решив, что это Ларик, Котя открыла и оказалась лицом к лицу с асоциального

вида мужиком, издающим стойкий запах застарелого перегара. Из одежды на нем были семейные трусы и ушанка.

Котя ойкнула и постаралась закрыть дверь, но мужик, видимо, был тертым калачом, поэтому успел просунуть в комнату босую ступню.

– Ты это... дай мне хоть сколько, – заплетающимся языком произнес посетитель и икнул.

Котя чуть не задохнулась.

– Чего вам надо? – просипела она.

Мужик удивленно поднял белесые бровки, видать, не ожидал такой непонятливости.

– Ну чего ты кобенишься, а? Ну жалко тебе, что ли...

– Маврикий, ты чего к девушке привязался? – раздался в коридоре спасительный голос Ларика.

Маврикий обиженно надул губы и подтянул труселя.

– Ни к чему я не привязался. Я вообще... непривязанный живу. Только хотел узнать, как у нас нынче... с погодой.

– Слушай, отвянь.

Ларик развернул его на девяносто градусов и легонько подтолкнул в спину.

Маврикий уже было шагнул в заданном направлении, но тут же вернулся.

– Так что у нас там с погодой, я не понял...

– Изыди, говорю!

Ларик пихнул настырного мужичка сильнее, и тот по синусоиде двинулся в другой конец коридора.

Котя выдохнула. Не хватало еще этого! Интересно, кроме Ларика, нормальные соседи есть? Или все в этом роде?

– Маврикий еще тот токсик, но ты его не бойся, – посоветовал Ларик, направляясь в свою комнату. – Он добрый, ничего крипового не сделает. Это так, флексит. А если будет на выпивку выпрашивать, сразу посылай.

Котя только вздохнула.

Ей, не искушенной в прелестях питерской коммуналки, казалось, что здешних неожиданностей она хлебнула немало. Можно сказать, достаточно.

Но это было лишь начало.

Утром Котя вышла из дома и отправилась куда глаза глядят.

Необыкновенная красота города так ошеломила ее, что, прошагав, местами проплутав, а к концу дня протащившись немало километров и не находя в себе сил оторваться от этого великолепия, Котя вернулась в коммуналку поздно.

Кое-как разделась и свалилась на кровать.

Даже чай пить не стала.

А разбудил ее стук в дверь. Опять.

Только нынешний был не похож на давешний.

С трудом подняв голову, Котя прислушалась к голосам за дверью. Они были возбужденными и злыми.

Открывать или нет? Вдруг это снова неадекватные соседи?

В дверь забарабанили так сильно, что Котя подскочила на

своем ложе.

Господи ты боже мой! Да кто там?

Она подбежала к двери, повернула ключ... в ту же секунду ее схватили и стали трясти как грушу чьи-то здоровенные ручки.

– А... вот ты где, гадина! Думала шлангом прикинуться! Давай быстро возвращай назад, курва! А не то!

Огромный, зверского вида мужик замахнулся. Котя втянула голову в плечи и зажмурилась. Она ничего не понимала, а от тряски вообще перестала соображать.

Если бы не подоспевший на выручку Ларик, закончиться все могло плачевно.

– Дядь Сева, ты чего? Крыша поехала? – крикнул он, появляясь из ванной, и, перехватив занесенную над Котей руку, отвел ее назад. – Это же Котя! Она в гости приехала из Иркутска!

– В гости?!

Бегемотоподобный Сева развернулся и оттолкнул Ларика.

– А ты лучше спроси у нее, где кокошник!

– Чего?

– А вот она знает чего!

Красный от гнева Сева снова повернулся к Коте и зыркнул так, что она прилипла спиной к двери. Хватать и трясти, впрочем, не стал.

– Ка... ка... какой кокошник? Я не брала, – выдавила Котя и сглотнула что-то вязкое, скопившееся в горле.

– Не ври, курва крашенная! – заорал Сева и тыкнул в нее сарделькоподобным пальцем. – У мамки моей в комод лежал! Вчера лежал, а сегодня нету! Ты стащила! Больше некому!

Котя беспомощно взглянула на Ларика.

– Да ты погоди, дядь Сева, не торопись. Откуда она знала про... чего там... кикешник?

– Да мне по фигу, откуда она знала! Вчера был, а сегодня нету! – упрямо повторил Сева и оглянулся.

Из комнаты рядом с кухней вышла худенькая пожилая женщина.

– Скажи, мать, ведь так? – обратился он к ней.

Женщина кивнула и посмотрела на Котю с ненавистью.

– Я утром в парк пошла на скамеечку... подышать немно-го. Потом прошлась до Казанского и обратно вдоль Грибо-едова. Вернулась к обеду уже, а... там все разворочено... и кокошник пропал, – с трудом подбирая слова, произнесла она и прислонилась к притолоке.

– Она взяла! Больше некому!

Сева снова ткнул в Котю и, злобно глядя на нее налитым кровью глазом, заявил:

– Лучше отдай, а то хуже будет!

Котя открыла было рот, чтобы снова заявить о своей невиновности и полном неведении о существовании какого-то кокошника в чем-то комод, но снова помог Ларик.

Он подошел и встал рядом с обвиняемой.

– Дядь Сева, ты успокойся. Зря руками не маши и на девушку не нападай. Я тут сто лет живу, но ни о каком кокошнике у Аделаиды Петровны не знал. А ты, Маврикий?

Тот, мгновенно материализовавшийся в конце коридора, мотнул всем телом из стороны в сторону и икнул.

– Ну вот, видишь? Маврикий тоже не знал. Так откуда Коте знать? Она второй день тут.

Звучало логично, но Севу не впечатлило.

– Ты че мне вопросы задаешь? Ей задавай! Ты не знал, Маврикий не знал, нас с мамкой не было, никто чужой не приходил, а кокошник пропал. Кто взял? А насчет того, как узнала, – так, может, она и не знала. Просто решила комнату обчистить, раз хозяев нету, и натолкнулась! А? Не может такого быть?

– Нет! Не может! Я не брала! – возопила Котя, возмущенная несправедливым обвинением. – Я вообще ни к кому не входила! Я весь день по городу! Я...

– Говорить все что угодно можно! – парировал Сева. – Мы тебя не знаем! Первый раз видим! Кокошник этот сто лет не пропадал, а как ты заявила, так ему сразу ноги приделали! Может, ты воровка со стажем!

– Да какая она воровка! Подруга Светкина из Иркутска! – вступил в перебранку Ларик.

– Да ну? А ты паспорт у нее спрашивал?

– Зачем мне ее паспорт! Светка же предупредила!

– Мало ли кто кого предупредил, – зловеще произнес Сева

и повернулся к Коте:

– А ну-ка, покажи паспорт!

Ларик хотел ее остановить, но не успел. Котя пулей метнулась в комнату, выхватила из сумки паспорт и дрожащей рукой протянула Севе.

Тот взял документ и спрятал в карман.

– Отдайте, вы же только посмотреть хотели, – проблеяла Котя, поняв, что совершила ошибку.

– Потом посмотрию. А отдам, когда кокошник вернешь.

– Вы с ума сошли, что ли? Не видела я никакого кокошника.

– А может, забыла просто? – усмехнулся довольный собой Сева. – Так ты память-то освежи. А как освежишь, так кокошник приноси. Тогда и паспорт назад получишь.

– Да где я вам это кокошник возьму?

– Хоть из-под земли достань!

– Дядя Сева, вы чего делаете? Вы полиция, что ли? – снова вступился за Котю Ларик.

– А ты хочешь, чтобы я в полицию заявил? – повернулся к нему Сева. – Давай! Заявлю! Тогда эту сучку сразу в оборот возьмут и в камеру посадят. Думаешь, разбираться будут?

Ларик открыл рот и хотел что-то сказать, но передумал, а Котя так вообще ничего говорить не могла. Молча смотрела, как Сева с матерью удаляются в комнату, и думала лишь о том, что ее жизнь кончилась.

Навсегда.

– Ты зачем Севе паспорт отдала? Наивная, что ли? Он же чистер натуральный. Специально выманить хотел, – зашипел ей на ухо Ларик, но, видя, что она стоит с остекленевшими глазами, затолкал в комнату, довел до кровати и, усадив, оглянулся в поисках подручного средства для приведения в чувство пребывающих в ступоре девушек.

Ничего подходящего не нашлось, он просто сел рядом и взял ее за руку.

– Да... Жиза получилась стремная. Здорово он нас забанил. И я тоже хорош. Ну ладно ты нуб, с тебя какой спрос! Я сам рили чуть не рипнулся, как его фейки услышал! Полный кринж, одним словом! Вижу – тебя троллят, а умного ничего в голову не лезет.

Котя слушала эту тарабарщину и пыталась включить мозги. После в сотый раз произнесенного Лариком слова «кринж», которое, по-видимому, означало крайнюю степень досады, мозги неожиданно заработали и выдали довольно продуктивную мысль:

– Я найду кокошник и суну этому Севе в морду!

Ларик посмотрел удивленно, но возражать не стал.

Наследница графов Волховских

Оставшуюся часть ночи Котя провела в титанических усилиях укрепить свою уверенность.

Она должна найти вора! Она сможет найти вора! Она умная! Она ничего не боится! Она умеет думать!

Основным источником ее уверенности выступала не только необходимость получить обратно паспорт, но и ранее неведомое чувство, требовавшее восстановить поруганные бегемотоподобным Севой честь и достоинство. Почему ей это было важно, она сформулировать не могла.

Важно, и все.

Оставалось придумать план поисков вора.

Из всего услышанного ночью она сделала вывод, что чужие в квартире не появлялись – или же так, что их никто не видел. В любом случае тот, кто украл, знал о кокошнике и месте, где тот лежит. Севины подозрения сразу пали на нее. Почему? Ни входная, ни дверь в комнату взломаны не были. Ну, входную дверь она открыть могла, это очевидно. А как быть с дверью в комнату Аделаиды Петровны – так, кажется, бабушку зовут? – и закрытым комодом? Впрочем, хозяйка сказала, что «там все было разворочено». Значит, ключа от комода у грабителя не имелось, а ключ от двери Аделаиды был. Или ее пальцем открыть можно?

Не в силах усидеть на месте, Котя вылезла из кровати и бо-

сиком вышла в коридор. Лампа под потолком горела довольно ярко, поэтому, соблюдая меры предосторожности, она на цыпочках приблизилась к соседской двери и присела.

Так, замочек в самом деле вшивенький. Это ясно даже тому, кто никогда вскрытием чужих дверей не занимался. В конце концов, ей приходилось иметь дело с замками. Когда осталась одна, то первое время ночами жутко нервничала: все прислушивалась, не пытается ли кто-нибудь вскрыть дверь. Вдоволь набоявшись, она купила и вставила сразу три замка: два врезных и один накладной с четырьмя категориями надежности. Полученные в результате замочной операции знания она считала достаточными для того, чтобы считать себя экспертом.

Дверь старая, просто деревянная, без всяких новомодных аксессуаров, а вот замок довольно новый, но, наверное, не из дорогих, весь снаружи виден. Если в довольно широкую щель засунуть что-нибудь твердое и хорошенько поднажать, то можно открыть, и довольно бесшумно. Конечно, теория, но как версия приемлема. А если это так, то...

Получается, круг подозреваемых довольно узок. Это или кто-то из соседей, или родственники.

Кроме Севы, родные у старушки есть? Мог это сделать, например, Маврикий? Вдруг сам борец за справедливость грабанул свою мать, а на нее свалил?

Вопросы требовали немедленного ответа, поэтому Котя решила, что утро начнет с разговора с Аделаидой Петров-

ной.

И было бы неплохо понять, как выглядел украденный головной убор.

Что это за драгоценность, из-за которой ее чуть не прибили!

Она вернулась к себе в полной уверенности, что знает, как поступить.

Утро, однако, несколько поубавило решимости.

Котя с трудом заставила себя зайти в кухню, чтобы начать разговор с соседкой, топтавшейся у плиты.

Она зашла и тут же вышла. Аделаида Петровна встретила ее таким ненавидящим взглядом, что ноги сами вынесли Котю вон. Ретировавшись, она еще два часа собирала в кучу свои силы.

В конце концов Котя решила, что трус умирает дважды, и направилась прямо к соседке в комнату, прихватив купленный вчера маленький йогуртовый тортик.

Услышав, кто к ней просится, Аделаида поначалу и открывать не хотела, но ожидавшая этого Котя как следует подготовилась, потому начала уговоры прямо за дверью. В ходе проникновенного монолога она дважды всплакнула, невзначай упомянула о своем сиротстве, побожилась, что не виновна ни в каких злодеяниях, и слезно молила ей поверить.

В итоге старушка открыла дверь ипустила Котю, глядя подозрительно, но чуть менее злобно. Войдя, Котя принялась с порога благодарить, прижимать руки к сердцу и

клясться всеми святыми, что к пропаже кокошника непричастна.

Пущенные в ход приемы оказали на Аделаиду Петровну успокаивающее действие. Наконец Коте удалось продвигнуться в центр комнаты, она повторила свою мантру в новой вариации и выдохнула.

– Я вам торт к чаю принесла. Угостите? – умильным голосом произнесла она и расплылась в самой ангельской улыбке из возможных.

С ее собственной бабушкой прием срабатывал безошибочно.

– Коли принесла, так что ж, – поджала губы Аделаида Петровна и пригладила жиденькие волосы.

– Тогда пойду чайник поставлю, а вы пока чашки доставайте, – уже совсем весело предложила Котя и упорхнула, втайне страшась, что старушка передумает.

Однако дверь у нее перед носом не закрыли, чай был заварен, торт нарезан, и соседки уселись пить чай уже совсем мирно.

Понемногу Котя успокоилась и осмотрелась.

На одной из стен в комнате висела картина, где была изображена девушка в старинном наряде, какие носили, наверное, в шестнадцатом веке. И наряд, и девушка были хороши необыкновенно. Котя засмотрелась.

– Это моя прабабушка Елизавета Григорьевна Волховская, в девичестве Беленицына. Картину ей на свадьбу сам

художник подарил, – сказала Аделаида и горделиво подняла седую голову.

– Талантливый, наверное, был художник, – почтительно произнесла Котя.

Аделаида Петровна фыркнула и посмотрела на гостью с презрением.

– Вот сразу видно, что молодежь нынче необразованная. Это же Константин Маковский! Неужто не слыхала ни разу?

Котя пожалала плечами. Слыхала вроде, только того Маковского Владимиром звали. В учебнике по литературе, кажется, видела его картину «Крестьянские мальчики».

– Их двое братьев было, и оба художники. Только Владимир передвижником считался и серьезности всякие рисовал. А вот из Константина обличителя мерзостей жизни не получилось. Он историей увлекался, красивые старинные вещи коллекционировал. Ну и картины писал соответствующие. Русских красавиц любил рисовать в старинных нарядах. Одна краше другой были!

– Ваша прабабушка очень красивая, – поддакнула пристыженная Котя.

– Несравненная красавица была до глубокой старости. Муж Николай пылинки с нее сдувал. А ведь женился на бесприданнице. Родные его сначала против были, а как увидели Лизоньку живьем, всей душой полюбили.

Аделаида Петровна встала, подошла к картине и любовно погладила рамку.

– Это копия, конечно. Но авторская. Самая первая сейчас в Америке. Но эта, я считаю, лучше той. Константин Егорович ее готовил как свадебный подарок, потому краски на ней немного светлее и ярче. Кстати, Николай в Лизоньку влюбился, когда картину увидел. Они и раньше были знакомы, но она слишком скромная была, вот он ее и не замечал. А в тот день у него глаза открылись. Пошел и сразу предложение сделал.

Котя подошла к картине. Как можно было не замечать такую очевидную красоту? Одни глаза чего стоят!

– Ты погляди, погляди. Кокошник на ней, так это он и есть.

Котя пригляделась к головному убору на голове невиданной красавицы.

– Кокошник Николай подарил жене на пятидесятилетие со дня венчания. Через год после того, как Константин Егорович умер, в тысяча девятьсот шестнадцатом году. Жена Маковского Мария Алексеевна после смерти мужа продала большую часть его коллекции старинных предметов. Вот Николай и приобрел этот знаменитый кокошник. Он хранится в нашей семье больше ста лет. Впрочем, что я говорю? Хранился...

Аделаида Петровна всхлипнула, утерла слезы и отошла от портрета.

– Какая красивая история, – вздохнула Котя.

– Красивая, только закончилась рано. В том же шестна-

дцатом году Николай погиб на фронте. Осталась Лизавета Григорьевна одна с четырьмя детьми. Мой дед самым младшим был, дольше других прожил, вот так и случилось, что кокошник у него осел. Во время блокады бабка моя хотела его на хлеб сменять. Схватилась, а кокошника-то и нету! Мой отец спрятал. Так и не нашли. Впрочем, никто из семьи с того разу не помер. А вещицу дорогую сохранили. Когда война закончилась, отец отдал кокошник знакомому художнику на реставрацию. Ну а после он мне достался. Вместе с картиной.

Аделаида Петровна замолчала, вспоминая, и Котя решила воспользоваться паузой:

– А про него... про кокошник... многие знали?

Аделаида покачала головой и снова утерла слезы.

– Я даже внуку Славке про кокошник не рассказывала. Сева, тот знал, конечно. Со Славкиной матерью они быстро разошлись, мальчик с ней остался. У нас нечасто бывал, так, по праздникам. К тому же рано пить начал. Вот я Севу и попросила ничего ему про богатство такое не говорить. Он обещал. Сам видел, что мальчишка безбашенным растет. Кокошник я надежно упрятала. То есть думала, что надежно. А больше никто и не знал. У меня ведь родных почти не осталось. Сын да внук.

– А почему вы на меня подумали? – осторожно, чтобы не спровоцировать новую волну враждебности, спросила Котя. – Мне-то откуда было знать, что у вас такое сокровище

хранится? Я два дня как приехала, меньше даже.

– Да это не я. Сева как узнал, что у нас чужой человек в квартире появился, сразу и заявил: она, мол, больше некому.

– Нормально! Вот так с бухты-барахты обвинить незнакомого человека!

– Так ты сама посуди! – заволновалась Аделаида Петровна. – Столько лет мы тут жили, и ничего не случилось! А как ты появилась, так сразу!

– А на Маврикия вы не подумали?

– Да мы его лет пятьдесят знаем! Не способен он на воровство!

– Ну как же, верю! Алкоголик, он никогда чужого не возьмет!

– Хочешь верь, хочешь не верь, но так и есть. Выпрашивать – это да! Он даже на паперть побираться ходил. Но воровать в своем доме не стал бы! С голоду сдохнет, а у своих не возьмет.

– Ну хорошо. Не буду спорить. А на Славку почему не подумали?

– Так он же не знал про кокошник-то! Даже не догадывался!

Котя разозлилась.

– А я, по-вашему, знала? – почти крикнула она.

– Да почем мы знаем! Может, ты профессиональная воровка! Откуда приехала, зачем – неизвестно! И, главное, по времени все совпало! Я слышала, как ты утром уходила. Не

видела кто, но сразу поняла, что из Светиной комнаты топают. Пошла на улицу. В обед прихожу, полезла за лекарствами, а ящик вскрытый уже. Я сразу Севе позвонила. Пока он приехал после работы, ночь настала. Он сказал, что ты могла за мной следить, а как я из дому вышла, вернуться и обчистить. Целый день тебя не было.

– И вы решили, что я кокошник продала?

– Ну а что нам было думать? Никого чужих больше не приходило.

– Да почему вы так уверены? Вас два часа дома не было. Меня, кстати, тоже. Ларик в школе, наверное, был.

– Маврикия в тот день соседки у Казанского видели.

– Да за это время можно весь дом вынести!

– А замок? Он же целый был.

– Да ваш замок пальцем открыть и закрыть можно, – наседа Котя.

– Все равно знать надо, где искать, – не сдавалась Аделаида Петровна.

– А я, по-вашему, знала? – снова спросила Котя, удивляясь ее упертости.

Ведь ясно же: украл тот, кто знал о кокошнике и выбирал время, чтобы на него не пали подозрения. Ему было точно известно, что в квартире появилась посторонняя, вот он и решил – сложились подходящие условия. Почему же Аделаида так настойчиво сопротивляется очевидным фактам? Не потому ли, что знает вора? Конечно, так и есть. Потому что

этот вор...

– Это не он, – быстро сказала Аделаида Петровна, словно прочитав что-то на Котином лице.

Котя вдруг до ужаса разозлилась. Хороша добрая старушка! Своих обвинять не хочет, а чужого человека – пожалуй-ста! Она сузила глаза и подбоченилась:

– Не он, говорите! А я думаю, что это он и есть! А знаете почему? Больше некому! Он дверь своим ключом открыл, потому и замок целый! Больше всех возмущался и на меня показывал!

Котя все наступала и наступала на старушку, пока та не прижалась спиной к стене.

– Зачем ему родную мать обворовывать?

– Да мало ли! Деньги нужны стали! Проигрался! Пропил!

– Он не пьет! – из последних сил сопротивлялась Аделаида.

– Ну и пусть! Все равно других кандидатур нету! Сева это, и больше никто! – неистовствовала Котя.

– Да Богоматерью клянусь: не мог он! Не такой человек!

– Все у вас не такие, одна я такая! Но я тоже не на помойке себя нашла и огульно обвинять в воровстве не позволю! Я сейчас же пойду в полицию и напишу заявление!

Котя так разошлась, что ей самой казалось, будто из ее глаз сыплются искры.

И тут припертая к стене Аделаида Петровна пришла в себя:

– А ты чего в моем доме разоралась! Подозрение от себя отвести хочешь? То-то я смотрю – с тортиком приперлась! Купить меня вздумала?

Старушка отлипла от стены и двинулась на Котю. Родные стены придали ей сил.

– Ишь ты, малявка выискалась! Заявилась лисой, а потом на меня, старого человека, орать взялась!

Схватив со стола полотенце, она замахнулась на обидчицу. Котя отпрыгнула и мгновенно пришла в себя.

– Аделаида Петровна, да что вы! Я на вас не нападаю! Просто справедливости хочу! Это же вы первые меня обвинили! А я, честно, вообще ни при чем!

– Ни при чем? А кто при чем? Я, что ли?

– И вы ни при чем! Мы обе не виноваты, а ругаемся! Нам надо не ссориться, а думать, как кокошник отыскать. Я ведь тоже его найти хочу!

– А чего ж ты на меня орать стала?

– Это от обиды и от волнения. Простите меня, пожалуйста.

Котя молитвенно сложила руки. Аделаида отступила и перевела дух.

– Знаешь что, девонька, иди-ка ты к себе. После поговорим.

Она добрела до дивана и тяжело опустилась на него. Котя покраснела от стыда. Господи, ну разве так можно? Напустилась на бедную старушку, а ведь она в самом деле не вино-

вата. Берегла кокошник как зеницу ока, и на тебе! Украл!

– Аделаида Петровна, – покаянно начала Котя и подошла к дивану, на котором, громко дыша, сидела хозяйка.

– Ой, что-то плохо мне, – шепотом сказала та и прижала руку к сердцу.

Котя засуетилась:

– «Скорую» вызвать или врача?

– Неотложку. Неотложку вызывай, – поникнув головой, прошептала Аделаида.

Котя выхватила из кармана телефон и дрожащей рукой набрала номер.

Не хватало еще, чтобы ее сочли виновной в смерти Аделаиды!

Через полчаса приехала «Скорая» и забрала старуху в больницу.

– Что с ней? – спросила Котя, провожая носилки.

– Сердце, – равнодушно кинул молодой розовощекий врач. – В таком возрасте немудрено. Хорошо еще, что быстро вызвали.

– Она жить будет?

– Вечером позвоните, все узнаете.

Вечером явился Сева и сообщил Ларику, который ошивался в кухне, что у матери был приступ, но его вовремя купировали. Молодцы врачи, быстро прикатали. Спасли старушку.

Котя стояла за углом и слушала, опустив голову. Заходить

не стала. Не хватало еще, чтобы Сева прибил ее на месте за то, что довела Аделаиду до приступа!

Ей было ужасно стыдно. Утешительной, впрочем, стала надежда, что кокошник обязательно отыщется.

Странно было на это рассчитывать, но она почему-то так думала. Впрочем, недолго.

Вернувшись в комнату, Котя уселась на кровать и стала представлять картину своего триумфа. Вот она незаметно входит в кухню, зовет Аделаиду, которая топчется у плиты и, скромно потупясь, протягивает кокошник. Котя словно воочию увидела радостно-восхищенное лицо соседки и то, как она дрожащими руками берет драгоценную вещь...

Видение возникло и тут же растаяло под грубым напором реальности.

Куда делся этот проклятый кокошник? Кто его украл? Где искать?

На эти вопросы ответа не было и, главное, не предвиделось.

На что же тогда она надеялась? На свой ум и сообразительность? Но ведь этого катастрофически мало! Искать украденную вещь в городе, где из знакомых одна Светка, да и той нету, все равно что пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что!

Обругав себя последними словами за глупое решение искать пропажу, Котя загрустила.

От нечего делать она стала перебирать книги на Свет-

киной полке. Может, почитать чего-нибудь? Успокоиться, прийти в себя. А то мозги уже плавиться начинают.

Она не была любительницей чтения и считала, что прочитанных по школьной программе книг вполне хватит на жизнь. А что? Минимальный список освоен: Чехов, Толстой, Достоевский. Так сказать, джентльменский набор. Во всяком случае, она знала, кто написал «Анну Каренину» и ни за что не перепутала бы его с автором «Муму». В их семье оголтелых книголюбов не водилось. Но скорее родителям было просто некогда. Врачам «Скорой» вообще не до книг. Сутками на работе. Мотались даже в область. И погибли, добираясь в дальний поселок на вертолете. Он упал так далеко, что, когда спасатели добрались, от тел почти ничего не осталось.

Вот бабушка, та читать любила. После нее много книг осталось. Когда вернется домой, обязательно вытащит их из коробок, поставит в шкаф и постепенно прочитает все до одной. А начать образовываться можно и с того, что есть у Светки.

Котя взяла с полки несколько книг. Ни названия, ни имена авторов ей ничего не говорили. Она лениво перебирала томики и вдруг увидела среди художественной литературы книгу по истории русского искусства.

Ничего себе! Так Светка искусством интересовалась? А с другой стороны, чему удивляться? Жить в Питере и не интересоваться искусством невозможно. Они тут все образованные. Даже усилий для этого прикладывать не надо. Просто

ходи по улицам – и сам не заметишь, как пропитаешься знаниями.

Котя раскрыла пухлый том, и вдруг из него выпали и спланировали на пол несколько листочков. Она подняла их, да так и осталась стоять, держа листочки в руках.

Это были распечатанные фотографии того самого кокошника, который таинственно исчез из комода Аделаиды Петровны.

Не веря глазам, она посмотрела внимательнее. Точно. Тот самый головной убор, сфотографированный с разных ракурсов.

И что эти фотографии делают в Светкиной книге?

Котя залезла на подоконник с ногами, стала смотреть в окно и думать. Первый вывод, который напрашивался сам собой: Светка знала о кокошнике. Каким образом, пока непонятно, но узнала. А второй вывод прямо указывал на то, что Светкин интерес не был бескорыстным. Иначе зачем этот самый кокошник фоткать?

Котя снова взяла книгу. Та послушно раскрылась на тридцать седьмой странице с описанием и изображением... того самого кокошника. Ничего себе! О нем даже в книжке написано! Ценная, значит, вещь. Котя углубилась в описание. Оказалось, убор принадлежал царевне Наталье, родной сестре Петра Первого, а до нее – царевне Софье, еще одной, но сводной сестре императора. Этот кокошник подарил ей любовник, князь Василий Голицын. А он, в свою очередь,

привез украшение из походов на крымских татар.

Одним словом, попутешествовала вещица! Интересно, а к татарам она откуда попала?

Итак, со всей очевидностью можно утверждать, что у Светки были на кокошник виды. Тогда возникает законный вопрос: зачем она на самом деле поехала в Иркутск? Возможно, никакого парня, на которого она якобы запала, не существует, и вся история выдумана от начала до конца. Светке просто надо было смотаться из Питера. Почему? По какой такой причине?

Котя наморщила лоб. Получалась очень некрасивая ситуация. Светка смоталась из города, кокошник украли, а обвинили в этом ее. Теперь она сидит на подоконнике и думает, что подруга связана с преступниками. Или она и есть преступница?

Ничего себе расклад!

Коте стало так тошно, что она просто больше не могла торчать в квартире. Одевшись потеплее, вышла на улицу и отправилась в бесцельное путешествие по городу. Ей хотелось, чтобы питерская метель вместе с морозом выдула из нее все тяжелые мысли. Она подставила лицо колючему ветру и пошла вдоль канала к Невскому проспекту. Помоги мне, Питер!

Питер, однако, помогать не торопился. Она прошла добрых пять километров, уже виднелись купола Александро-Невской лавры, а мысли никуда не улетучились.

Предполагала ли Светка, что подозревать в краже станут Котю? Если она имеет к похищению кокошника прямое отношение, то, разумеется, предполагала. А если специально позвала Котю к себе? Получается, подставила подругу? Неужели Светка способна? Да нет, не может быть! Она не такая!

Котя поскользнулась на переходе и чуть не шлепнулась посреди улицы. Кое-как удержалась, ухватившись за рукав идущего рядом мужчины, извинилась и побрела дальше.

Светка не такая? А какая? Котя собрала в кучу все, что знала о подруге, и оказалось, что очень мало. С гулькин нос. Светка смелая, веселая и немного безбашенная. Легко сходится с людьми и так же легко расстается. Способна на всякие авантюры. Когда позвонила в декабре, так и сказала: хочу предложить тебе авантюрку. Это она об отпуске по обмену. Тогда Котя считала, что большей авантюры уже и придумать нельзя. За несколько дней, проведенных в Питере, ее представления об авантюрах существенно расширились, но такого она предвидеть не могла. Придумать комбинацию с обменом, чтобы отвести от себя подозрение и обеспечить стопроцентное алиби, да при этом подставить ни о чем не подозревающую бухгалтершу из Иркутска – это уже перебор!

На этой мысли Котя неожиданно чихнула, и направленность ее раздумий тут же изменилась. Не сходится ничего. Ведь Светку легко можно заподозрить в том, что они с Котей в сговоре. Мол, все разнюхала о кокошнике, рассказала

и свалила, а уж добрая подружка довела задуманное до конца. Может такое быть? Может. Зря она решила, что Светка подставила ее сознательно. Прости, Свет!

А хотя за что просить прощения? Светка однозначно имеет отношение к краже, в этом нет никаких сомнений. Может, позвонить да спросить у нее прямо: не ты ли организовала похищение, подруга?

Котя представила, как скажет это, и хмыкнула. Нет, такими примитивными приемчиками Светку не проймешь. Только такой дуре, как Котя, могла прийти в голову подобная чушь!

И что же тогда остается? Свалить так же, как сделала Светка, не получится. Без паспорта ее даже с билетом в самолет не посадят. Можно попробовать на перекладных до Иркутска добраться. Только в этом случае амбал Сева сразу с ее паспортом в полицию отправится. Раз сбежала, значит, виновата.

Котя подошла к воротам перед входом в лавру и задрала голову. Сверху на нее строго взглянул лик Спасителя. Бабушка, которая нянчила Котю с самого рождения, была верующей. Проводя с ней много времени, она и сама прониклась христианскими заповедями. Родители, правда, их походов в храм и чтения Библии не одобряли. Папа даже сердился. Говорил: нечего девчонке голову забивать всякой дремучей чепухой. Бабушка слушала, улыбаясь, и в спор не вступала. А после становилась перед иконами и молилась за раба

Божьего Алексея, чтобы Господь его вразумил.

Может, не зря ноги принесли ее в лавру? Ведь где-то здесь, судя по информации из Интернета, похоронены и Константин Маковский, и Николай Волховской, и Елизавета Григорьевна.

Понимая, что самой могил не найти, она обратилась к служителю, который сидел в будочке у входа на Никольское кладбище. Тот отослал ее к отцу Варфоломею. Еще полчаса ушли на ожидание, когда батюшка освободится.

– Могила Константина Маковского, к сожалению, не сохранилась, – посетовал отец Варфоломей. – Была разрушена вандалами во время беспорядков в тысяча девятьсот семнадцатом году. А вот захоронение графов Волховских устояло. Примечательная могила.

– Чем же? – заинтересованно спросила Котя.

– А вот пойдемте, сами увидите.

Он повел ее между захоронений.

На могиле Николая Волховского стоял черный мраморный крест, а на соседней, его жены, была установлена скульптура женщины в старинном одеянии.

С кокошником на склоненной голове.

Вытянутой рукой женщина слегка касалась мраморного креста.

Вот это да! Как живая! В том самом костюме, что и на картине!

Котя подошла. Мраморная рука, протянутая к кресту,

касалась его лишь кончиками пальцев, словно напоминая: я здесь, я с тобой, я рядом.

Котя хотела дотронуться до руки, но в последний миг испугалась. А вдруг там, под камнем, все еще бьется пульс и течет невидимая кровь, переливаясь в крест и наполняя его энергией неугаснувшей любви?

Котя выдохнула и отругала себя. Услышал бы отец Варфоломей ее мысли, перекрестился бы.

Она еще немного постояла и пошла к выходу.

Почему-то ей было совершенно ясно, что ноги не зря привели ее сюда.

Она найдет украденный кокошник.

Чего бы ей это ни стоило.

Шаги на пути к решению траблов

Зайдя в квартиру, Котя сразу направилась к соседней двери и постучала.

– Ларик, ты дома? Если можешь...

Не успела она договорить, как дверь распахнулась, и парень в теплом спортивном костюме и вязаной шапке предстал перед ней, тяжело дыша. Из комнаты дохнуло холодом.

– Ты чего делаешь? – заглянув ему за спину и увидев открытое настежь окно, спросила Котя.

– Тренируюсь.

Ларик отодвинулся, продемонстрировав беговую дорожку, стоящую посередине.

– Ничего себе! – поразилась Котя.

– На улицу лень ходить. Там одни олды бегают, – пояснил Ларик, закрывая окно. – На хаусе лучше.

– Выморозишь всю квартиру, – на правах старшей предупредила Котя. – До вечера зубами стучать будешь.

– Она быстро нагревается, – махнул рукой спортсмен-надомник. – Я так второй год занимаюсь. Дорожка вообще вещь! Маст хев. Скоро на золотой значок ГТО сдам. При поступлении зачтется. Лишние баллы получу.

– А куда поступать планируешь?

– Да всюду, где на программистов учат. Куда баллов хватит, туда и пойду.

– А ты вообще как, хорошо учишься? – спросила Котя, уверенная, что выше тройки и четверки по пению тот оценок не видал.

– Одна четверка пока.

– А остальные? Тройки?

– Ты чего? Пятерки.

Ларик с ходу выдул пол-литровую бутылку воды и пояснил:

– Литераторша тормозит. Я для нее вроде токсика. А сама – душила настоящая. Сочинения, говорит, у тебя слишком короткие. Ну как же, отвечаю, вот вступление, вот основная часть, вот вывод. Все на месте. Нет, говорит, не развернуто у тебя ничего. А чего там разворачивать? Пересказывать, что ли, ту фигню, которую автор написал? Так лучше его я все равно не смогу. Хотел даже ее в Сети харрасить начать, но передумал. Еще решит, что я профессиональный хейтер, и директору заложит.

Слушавшая его пылкий монолог Котя не выдержала и рассмеялась.

– Ларик, мы с тобой похожи, как близнецы-братья! Я тоже в школе литературу не любила. И тоже из-за сочинений. Только не очень поняла, что такое «харрасить» и «хейтер».

– Забей! Это мы, зумеры, так говорим.

– А зумеры...

– Это люди нового поколения.

– А...

– А насчет сочинений ты в точку попала! И какой лузер их придумал?

– Давай организуем народное движение против сочинений! Ты во главе!

– А что! На этом неплохо хайпануть можно! Только сначала надо в вуз поступить, а то потом не возьмут! – развеселился Ларик.

Котя хотела продолжить многообещающую тему, но вспомнила, зачем пришла.

– Ларик, мне нужно тебе кое-что рассказать. Пойдем ко мне чай пить.

Тот с готовностью кивнул.

– Пойдем. У меня все равно жрать нечего.

Увидев свежую колбасу и пиццу, Ларик блеснул голодным глазом и сразу примостился к столу. Котя налила им по большой кружке чаю. Разговор будет долгим.

Съев все подчистую – хозяйке достался только краешек пиццы – и выслушав историю о найденных в Светкиной книге фотографиях, Ларик вдохновился:

– Так это же меняет весь расклад! Дает нам неисчерпаемый материал для выхода на настоящих преступников!

– Ну и кто, по-твоему, преступник? Светка?

– Однозначно!

– А для меня нет!

– Андестенд. Падру подозревать неприятно. Тогда какие соображения у тебя?

Никаких соображений у Коти не было.

– Ну и нечего изображать из себя святую Катерину! – неожиданно жестко сказал Ларик. – Светка в деле, это очевидно.

– Но как она могла узнать о кокошнике?

– Они с Аделаидой вась-вась были. Чаи гоняли. Может, бабесл сболтнула случайно.

– Она этот кокошник как зеницу ока берегла. Даже Севу просила ничего не говорить внуку Славику.

– Ну и что? Славика она опасалась, а Светки нет. Она вообще считает, что у нас все соседи белые и пушистые. Даже Маврикий.

– Аделаида Петровна уверена, что он у своих красть не будет.

– Она просто сослепу не замечает, как он таскает у нее продукты.

– Так, может, кокошник тоже он умыкнул?

– Со Светкой вместе? Может. Но ты же говорила: его у Казанского видели.

– Я не уточнила, во сколько это было.

Ларик ожесточенно почесал пятерней свои развеселые лохмы и скривился.

– Честно говоря, плохо представляю себе Маврикия, тырящего кокошник.

– И ты туда же?

– Нет, ну в самом деле. Он же расколется сразу и Светку

заложит. Вообще может забыть, где что стибрил. Ненадежный партнер. Не стала бы Светка с ним дело иметь. Это тебе не сосиску отжать. Кокошник тысячи стоит!

– Миллионы, Ларик, миллионы.

– Честно?

– Не сомневайся. В книге, которую я у Светки нашла, про него такое написано, что можно быть уверенным – этих денег хватит на виллу в Майами.

– А тебе известно, сколько стоит вилла в Майами?

Котя прыснула.

– Я рассуждала от противного.

Ларик засунул в рот кусок сахара и захрустел.

– Раз лове немерено, значит, Маврикий тем более не подходит. Тут перец посерьезнее нужен. А Светка, случаем, с криминалом не связана?

– Ты у меня спрашиваешь? – возмутилась Котя. – Это вы с ней в одной квартире живете! Приходил к ней кто-нибудь в этом роде?

Ларик дохрустел сахаром и снова почесал башку.

– Бывали мужики. Но на криминал не тянут. Так, тупаки лохушные.

– А как поточнее узнать?

– Попробую спросить у Инета. Наверняка Светка обожала в соцсетях флексить. Но это надо чекать.

Котя подняла бровь.

– Проверять то есть, – пояснил Ларик.

– Давай прямо сейчас. Хотя нет, стой! Сначала все версии рассмотрим.

Он пожал плечами.

– Их не так уж много. Остаются Сева и Славик. Меня, надеюсь, ты из списка вычеркнула?

– Ты пока под вопросом.

– Да ну?

– Ага.

– С чего?

Котя хитро улыбнулась.

– Ты тут самый умный.

– Это да. Не поспоришь, – самодовольно ухмыльнулся Ларик. – Ну и какие нужны пруфы, что я в ночном дозоре, а не с вампирами?

– Пруфы?

– Ну, доказательства.

– Помогать изо всех сил найти вора и вернуть кокошник.

– А я что делаю? – выпучил глаза Ларик.

– Ладно. Остынь. Я пошутила. На тебя сейчас вся надежда. Какие у Светки были отношения с Севой?

– Когда он с матерью жил, они часто цапались из-за ерунды. Кто свет в туалете не выключил, кто помойку не вынес. А как Сева съехал, по-моему, отношений вообще никаких не стало.

– Откуда известно? Может, они вне дома виделись.

– Вряд ли. Когда он к матери приходил, Светка просто

здоровалась. И голос равнодушный был.

– Проверь, есть ли он среди ее подписчиков. А Славик?

– Тут вообще темный лес. Он же редко бабку навещал. Мне кажется, они и знакомы толком не были. Впрочем, задачу понял. Через пару часов забегай.

Ларик вернулся к себе, а Котя вдруг подумала, что отсутствие звонков от Светки в данной ситуации может считаться еще одним доказательством ее причастности к краже кокошника. Ну как за все время ни разу не поинтересоваться, как дела у подруги? Телефон выключен или вне зоны. Так не бывает. Любой нормальный человек, даже находясь за тридевять земель, будет искать возможность связаться с близкими. А тут ни слуху ни духу.

Котя взяла сотовый и проверила входящие звонки. Ни одного. А вдруг со Светкой что-то случилось? И как раз из-за этого несчастного кокошника! Такое сто раз в кино показывали. Подельники украли очень дорогую вещь, а потом один из них избавился от другого, чтобы не делиться. Со Светкой могло случиться то же самое. Тогда понятно, почему телефон заблокирован.

Коте вдруг стало так страшно, что пришлось срочно сесть на кровать. Неужели она права? Но кто же он, этот неизвестный подельник? Как его найти? И надо ли искать? Ведь тогда ей самой грозит опасность! Преступник узнает, что она ищет пропажу, решит, что ему это ни к чему, и...

Котя представила ужасную картину собственной гибели и

сглотнула вязкую слюну.

И зачем она только влезла в это расследование? Может, прекратить, пока не поздно? Но тогда не видать ей паспорта как своих ушей. Сева ни за что... Сева? А ведь это он потребовал, чтобы она достала кокошник «хоть из-под земли». Грозился прихлопнуть, если не найдется. Выходит, быть соучастником преступления Сева не может. Ведь преступнику невыгодно, чтобы она влезала в это дело. А ну как вправду чего-нибудь отыщет!

Котя вспомнила Севины выпученные глаза и красное, как после бани, лицо. Пудовые кулаки, сжимающиеся от гнева и злости. Непохоже, чтобы он притворялся. Расстроился больше, чем Аделаида Петровна. Возможно, надеялся заполучить кокошник в наследство, а тут такой облом.

Надо сказать Ларику, чтоб не тратил время на поиски связи между ним и Светкой, даже если она существует. И вообще: возможно, Сева способен на кражу, но на жестокое убийство подельницы – вряд ли. Соседи все же. Так что нечего Светку раньше времени хоронить. Конечно же, она жива и здорова!

На душе, однако, было беспокойно. Решив, что в школе все равно каникулы и парень вряд ли занят чем-нибудь полезным, она снова направилась к соседу.

Вместе с неунывающим Лариком они что-нибудь придумают.

– Проходи давай, – открыв ей, сразу сказал хозяин и за

руку потянул в комнату.

Котя впервые стояла не на пороге комнаты, а прямо в самом центре, поэтому с интересом огляделась. Большая, но в ней все равно тесно из-за книг, которые стоят на полках от пола до потолка, да еще сложены стопками и навалены кучами где попало. Интересно, кто тут такой книгочей? Ларик, как дитя Интернета, наверняка читает электронные издания.

– Ну чо? Лампово? Уютно, я хотел сказать?

Котя кивнула и с любопытством спросила:

– А ты с кем живешь?

– С Игнаткой.

– Это твой...

– Бро. Старшой.

Котя удивилась.

– А почему я его ни разу не видела? В командировке, что ли?

– Да вроде. Он электронщик. У него своя фирма. Ну там сигнализации всякие устанавливают, камеры и прочую лабуду.

– А родители есть?

– Как не быть! – хмыкнул Ларик.

Котя посмотрела удивленно, но спросить не решилась.

– Нашим родителям дети никогда не были нужны.

– А как же...

– Мы с Игнаткой – жертвы аборта.

– Ерунды не говори.

– Да точно! Родились, потому что мамаша с абортom за-
тянула. Не успела между гастрольями.

– Она актриса?

– Ага. И папаша тоже. Знаешь, почему у нас имена такие
чудные? Родители и тут в игрушки поиграли. Прикинь, они –
Изида и Иннокентий Белые. А сыновья – Илларион и Игнат.
На этом их интерес к нам закончился. Когда они наконец
развелись, мне было двенадцать. В суде меня спросили, с кем
я хочу жить – с мамой или с папой. Я сказал – с братом.
Судья офигел.

– Игнат тебя намного старше?

– На одиннадцать лет. Он уже из армии вернулся и рабо-
тал.

– И никто не возражал?

– Имеешь в виду родаков? Ты что! Они счастливы были!
Наконец избавились от нас обоих.

– Не могу поверить в такое.

– Наивная ты душа! Нам с Игнаткой вместе кайфово. Пло-
хо только, что из-за меня у него с личной жизнью облом. Тел-
ки как узнают, что он с приплодом, сразу отваливают. Есть,
правда, одна. Все сманивает его к ней переехать, а мне ком-
нату оставить. Но он не соглашается.

– Кремень!

– Не прикалывайся. Он на самом деле такой. Если взялся
из меня человека сделать, не отвяжется.

– Упорный.

– Рили. Слушай, я знаешь что подумал? А если Светке о кокошнике Сева рассказал?

– Ты нашел совместные фотографии? – оживилась Котя.

– Ни одной. Хотя перерыл почти что весь контент.

– Не поняла тогда. Если его нет среди ее фотографий...

– Да в том-то и дело! Они нарочно шифруются, чтобы ни у кого не возникло этой версии. Ну, сама шевельни мозгами! Другой бы на месте Севы сразу в ментовку позвонил. Его же наследства лишили. А он что? Стал тебя буллить.

– Так он думал, что это я украла.

– Не смейся. Дурак он, что ли! Ты в Питере один день и сразу за воровство принялась?

– А если он подумал, что меня Светка навела?

– И я бы на его месте подумал! А он про Светку ни пол-слова не сказал! Даже когда я вякнул, что она предупреждала насчет тебя. Другой бы сразу ухватился, стал расспрашивать. А он, типа, мало ли кто кого. Значит, что? Значит, он с ней заодно!

– И абсолютно уверен, что кокошник я все равно не найду.

– Рили.

– А ведь он где-то есть.

– Наверняка уже там, откуда нам его не достать. Сева просто решил не ждать, пока мамаша окочурится. Денежки ему нужны, понимаешь? На Светке, наверное, жениться собрался. Вот они вдвоем все и обстряпали.

– Ловко ты объяснил.

– Ты же говорила, что я тут самый умный.

Котя вздохнула.

– Если все так, то что мне теперь делать?

– Собирай манатки и вали в свой Иркутск. А кстати, можно я к тебе в гости приеду? Давно хотел Байкал повидать.

Котя чуть не заплакала.

– Да как я уеду? Он паспорт забрал!

Ларик почесал затылок.

– Кстати, зачем?

– Да, зачем?

– Изобразить, что он на самом деле хочет кокошник найти!

– Не знаю, Ларик, что он хотел изобразить, но у меня обратный вылет через неделю.

– Значит, за эту неделю мы должны нарыть пруфы, что это он сам все и придумал, припереть к стенке и заставить вернуть паспорт.

– Ну и как мы это сделаем?

– Надо поймать его на связи со Светкой.

– Ты уже пытался.

– Я искал в ее контактах. А если посмотреть в его?

– Так посмотри.

– Варик. У него наверняка их не миллион. Мужики так много в соцсетях не сидят, если не задроты. Может, ты чего-нибудь сварганишь, пока я поработаю? А то жрать ужасно хочется.

Расстроенная Котя поплелась «варганить», думая, что их с Лариком усилия ни к чему не приведут. Но не успела она доварить пельмени, как парень нарисовался у нее за спиной. Вид у него был такой самодовольный, что она сразу догадалась: явился с добычей!

– Нашел?

– Клара, ты сейчас раскроешь клюв от удивления! – объявил Ларик и запихнул в рот кусок хлеба.

– Ты знаешь, кто украл кораллы?

– А то!

Он воровато оглянулся и продолжил шепотом:

– У Севы на страницах в сумме три фотки с позапрошлого Нового года запилено. Я заплакал и с горя залез на страницу к Славику. Смотри!

Жестом фокусника Ларик вытащил из-за спины планшет и сунул Коте под нос.

Прямо перед ней возникла в дугу пьяная Светка, которую обнимали, а может, просто тащили на себе сразу два парня.

– И который из них Славик?

– Я думаю, он как раз фотографировал.

– С чего ты взял?

– У него с этой вечеринки фоток штук сто, и ни на одной его нет. Значит, сам снимал.

– Он фотографом работает?

– Да хрен его знает! Важно, что они со Светкой знакомы! А это меняет весь расклад.

– И что теперь?

Ларик заглянул ей через плечо.

– Все, пельмени готовы. Снимай, а то разварятся. Мы найдем Славика и расколем его под давлением неопровержимых улик.

Котя грустно хмыкнула.

– Не разделяю твоего энтузиазма. Его знакомство со Светкой еще ни о чем не говорит. Или ты считаешь, что у них преступное трио: Сева, Светка и Славик?

– Об этом я не подумал, но вполне может быть. У них, кстати, даже имена с одной буквы начинаются.

Котя сунула ему в руки плоску с пельменями.

– То есть Сева рассказал пьянице-сыночку о наследстве, чтобы тот сразу его пропил? Тридцать – или сколько там? – лет молчал, а тут раскололся? Зачем?

– Сметану из холодильника возьми, – напомнил Ларик и поскакал в комнату.

С энтузиазмом уплетая пельмени, он продолжал фонтанировать версиями:

– Согласен, возможно, это гон! Ну а если Севу убрать из уравнения? Аделаида сболтнула о кокошнике Светке, а та пристегнула Славика. Алкаши, они легкоуправляемые.

– Манипулировать ими легко, верно, но они же ненадежные. Ты сам про Маврикия говорил.

– Славику до Маврикия расти и расти. И потом, она могла сыграть на обиде. Как же, обошли его с наследством-то! Да-

же не сказали, что в их доме хранится такая дорогая вещь. Вот он и решил оставить папашу с носом.

– На него никто не подумал, ведь родные уверены, что Славику ничего не известно. А чтобы подозрения не пали на Светку, она уехала.

Ларик засунул в рот три пельменя сразу, подпихнул ку-сочком хлеба – чтоб не вывалились – и добавил:

– Ну а потом Славик без помех умыкнул старую рухлядь. Он поглядел гоголем.

– Как тебе моя версия? Потянет?

– Если только с пивом, – съязвила Котя. – Хотя другой у нас все равно нет. Ну и где нам искать этого Славика? Сюда он точно не нагрянет.

– Если снимал вечеринку, можно предположить, что работает в том клубе, где отрывалась Светка.

– Может, его просто пригласили.

– Клуб называется «Ночные кошки». На одной из фоток я видел название.

– И что?

– Вряд ли туда пускают посторонних. Я имею в виду – бесплатно. Так что фотограф у них, скорей всего, свой. Ну или приглашенный, но тоже из своих.

– Я смотрю, ты разбираешься.

– И что такого?

– Тебе шестнадцать, вот что такого!

Ларик картинно закрыл рукой лицо.

– И что ты изображаешь? – скептически изогнув бровь, поинтересовалась Котя.

– Фейспалм, – ответил Ларик трагическим голосом. – Это моя реакция на твое глупое утверждение. Не будь тошнिलой. По виду никто не скажет, что я несовершеннолетний. Ты же не собираешься меня брату закладывать?

– Покажи хоть, как этот Славик выглядит.

– Покажу на месте.

– Ну уж нет. Закладывать тебя я не собираюсь, но и возвращать тоже. Судя по названию, это стрип-клуб.

– Я да уже сто раз...

– Хоть тысячу, но без меня. Я пойду одна.

– Смеешься? Ты себя в зеркало видела?

Котя оскорбилась.

– Что ты хочешь этим сказать, мальчик?

– Только то, что ты не похожа на завсегдатаев стрип-клубов, – ничуть не смущаясь при виде ее заиндеветшей от обиды физиономии, заявил Ларик.

Котя усмехнулась:

– Вместе мы будем смотреться еще прикольнее. Парочка плюшевых грызунов, сбежавших из Диснейленда.

– Не понял насчет грызунов, но все равно от меня там больше пользы.

– Возможно, но вопрос закрыт. И найди мне его фото.

Ларик открыл было рот, чтобы поспорить, но Котя сделала такое лицо, что он передумал.

Довольная, что последнее слово осталось за ней, Котя гордо удалилась в свою комнату, но, оставшись одна и представив себя в интерьере стрип-клуба, внезапно струхнула.

Ларик прав. Она даже не представляет, что нужно делать в подобных заведениях. Сразу обратит на себя внимание и вызовет подозрения.

Котя подошла к зеркалу и подбоченилась, попытавшись изобразить постоянную посетительницу злачных мест. Вышло так глупо, что она прыснула от смеха. Особенно неуместно смотрелось платье в клеточку с отложным воротничком. Хотя нет, хвостик на голове выглядел еще хуже.

И какой выход?

Она подумала и решительно направилась к Светкиному шкафу.

Через десять минут Ларик скинул ей фото Славика. В компании нескольких парней тот стоял у входа на стадион с бутылкой пива в руках.

Котя внимательно рассмотрела низкорослого тщедушного мужичонку и решила, что тот не так прост, как кажется. Ну, во-первых, он намного ниже всех своих друзей – не больше метра шестидесяти, – а потому наверняка комплексует. Его друзья улыбаются, а он смотрит исподлобья и напряженно. Наверное, ему частенько приходится отвоевывать место под солнцем. Во-вторых, кроме агрессивности, присутствует опухшая от пьянства физиономия и тоскливые залысины. Короче, Славика не повезло в этой жизни, а такие типы мо-

гут быть опасны.

Что ж, надо принять это к сведению.

Услышав, как хлопнула соседняя дверь, Ларик выглянул в коридор и увидел, как, виляя бедрами, на каждом шагу одергивая короткую блестящую юбку и изо всех сил стараясь удержаться на высоченных каблуках, Котя продефилировала к двери.

Ларик шмыгнул носом и почесал в затылке. Кажется, он недооценил эту Котю.

Определенно, у нее есть потенциал.

Приключения коти в темноте

Котя уже два часа торчала в «Ночных кошках», но Слави-ка так и не увидела. От беспрестанного верчения головой, а паче от выпитого коктейля у нее кружилась голова, и задуманное предприятие представлялось все более и более безнадежным. Ну ладно, сегодня она уж как-нибудь дотерпит. А если придется неделю этого Славика тут ждать? Да за это время она сопьется!

Котя откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Уже за полночь. Обычно в это время она видит третий сон. За день так устанешь сидеть перед компьютером и забивать в программу цифры, что дома еле досиживаешь до девяти вечера, а потом плюхаешься в кровать и вырубаетесь.

– Девушка, вы еще что-нибудь заказывать будете? – услышала она вежливый голос официанта и встрепенулась, изо всех сил вытаращив глаза.

– А можно кофе? – стараясь говорить тише, попросила она.

Официант усмехнулся и нагнулся к ней:

– Вообще-то у нас в ходу другие напитки, но так и быть. Постараюсь вас взбодрить свежим эспрессо.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Котя и посмотрела на подиум.

Хоровод полуголых девиц, услаждавших взоры публики

томными вихляниями и синхронными взмахами длинных ног, сделал последний круг по сцене и гуськом потянулся за кулисы. Музыка заиграла медленнее, в зале стало еще темнее, прожектор высветил шест и танцовщицу в блестящих стрингах. Взгляд Коти невольно уткнулся в голую грудь. Та была хороша, прямо загляденье. Неужели настоящая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.